

— ХА-ДЖУН ЧАНГ —

ЭКСПЛУАТАЦИЯ
человека человеком

САН-ПАУЛУ
октябрь 2037 года

ЗЛЫЕ САМАРИТАНЕ

МИФ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ
И СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ КАПИТАЛИЗМА

МОЗАМБИКСКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ЧУДО

Нужно ли
регулировать иностранные
инвестиции

LEXUS И ОЛИВКОВОЕ
ДЕРЕВО: НОВЫЙ
ВЗГЛЯД

ДВОЙНАЯ
ЖИЗНЬ
ДАНИЭЛЯ
ДЕФО
КАК
БОГАТЫЕ
СТРАНЫ
СТАЛИ
БОГАТЫМИ?

ЛЕНИВЫЕ
ЯПОНЦЫ
И ВОРОВАТЫЕ
НЕМЦЫ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ
НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРЫ
НЕ СПОСОБНЫ
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ
РАЗВИТИЮ?

WINDOWS 98

в
1997 ГОДУ

ПЛОХО ЛИ
«ЗАИМСТВОВАТЬ» ИДЕИ

Заир

и Индонезия

МИССИЯ

НЕВЫПОЛНИМА?

МОЖНО ЛИ ЗАЙТИ СЛИШКОМ
ДАЛЕКО В ФИНАНСОВОМ
БЛАГОРАЗУМИИ?

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Мозамбикское «экономическое чудо»	9
<i>Как спастись от бедности</i>	
Глава 1. Lexus и оливковое дерево: новый взгляд	27
<i>Мифы и факты о глобализации</i>	
Глава 2. Двойная жизнь Даниэля Дефо	49
<i>Как богатые страны стали богатыми</i>	
Глава 3. У моего шестилетнего сына должна быть работа	76
<i>Всегда ли свободная торговля — универсальный ответ?</i>	
Глава 4. Финн и слон	96
<i>Нужно ли регулировать иностранные инвестиции</i>	
Глава 5. Эксплуатация человека человеком	116
<i>Частное предпринимательство — хорошо, государственное предпринимательство — плохо?</i>	
Глава 6. Windows 98 в 1997 году	137
<i>Плохо ли «заимствовать» идеи</i>	
Глава 7. Миссия невыполнима?	161
<i>Можно ли зайти слишком далеко в финансовом благоразумии</i>	
Глава 8. Заир и Индонезия	178
<i>Нужно ли отворачиваться от коррумпированных и недемократических стран</i>	

Глава 9. Ленивые японцы и вороватые немцы	200
<i>Действительно ли некоторые культуры не способны к экономическому развитию</i>	
Эпилог. Сан-Паулу, октябрь 2037 года	222
<i>Будет ли лучше?</i>	
Благодарности	243
Примечания	246

ПРОЛОГ

МОЗАМБИКСКОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»

Как спастись от бедности

Мозамбик бросает вызов большим игрокам

От орехов к вольтам

28 июня 2061 года | МАПУТУ

Согласно бумажной версии журнала The Economist

Tres Estrelas сообщает об очередном прорыве в технологиях топливных элементов

На мероприятии, которое было назначено на 25 июня — День независимости страны, базирующаяся в Мапуту компания Tres Estrelas (крупнейшая деловая группа Африки за пределами ЮАР) представила прорывную технологию массового производства водородных топливных элементов. «Когда осенью 2063 года заработает наш новый завод, — объявил полный энтузиазма руководитель Арманду Нхумайо, — мы сможем бросить вызов большим игрокам из Японии и США, предложив потребителям более выгодные условия за те же деньги». Аналитики согласны, что новая технология от Tres Estrelas означает, что водород в скором будущем заменит спирт в качестве основного источника топлива для автомобилей. «Это определено вызовет серьезные проблемы у ведущих производителей этанола — бразильской Petrobras и малайзийской Alconas», — говорит Нельсон Мбеки Малан, глава престижного Института исследований энергетической экономики в Университете Западной Капской провинции ЮАР.

[>>> Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Tres Estrelas начинала свое невероятное восхождение с довольно скромных высот. Она была основана в 1968 году как фирма по экспорту кешью, за семь лет до обретения Мозамбиком независимости от Португалии. Вскоре компания провела диверсификацию, занявшись также текстильной промышленностью и рафинированием сахара. Затем владельцы предприняли более рискованный шаг, перейдя в электронику — сначала в качестве субподрядчика корейского гиганта Samsung*, а потом и как независимый производитель. Однако сделанное в 2030 году заявление о том, что следующим бизнесом станет производство водородных топливных элементов, вызвало определенный скепсис. «Тогда все думали, что мы сошли с ума, — говорит Нхумайо. — Департамент топливных элементов сосал деньги 17 лет. К счастью, в те дни у нас было не так много акционеров со стороны, требующих моментальных результатов. Мы продолжали упорно верить, что создание фирмы мирового уровня требует длительной подготовки».

Подъем компании — «экономическое чудо» современного Мозамбика. В 1995 году, через три года после окончания кровопролитной 16-летней войны, среднедушевой доход населения составлял всего 80 долларов в год — экономика страны была действительно беднейшей в мире. Глубокие политические противоречия, всепроникающая коррупция и прискорбный уровень грамотности в 33% — все это делало перспективы очень мрачными. В 2000 году, через восемь лет после окончания гражданской войны, средний житель Мозамбика все равно зарабатывал лишь 210 долларов в год — чуть больше половины дохода среднего ганца (350 долларов). Однако с тех пор мозамбикское «экономическое чудо» помогло трансформировать страну в одну из богатейших экономик Африки с доходом выше среднего. Немного удачи и труда — и она в ближайшие два-три десятилетия может даже попасть в число развитых экономик. «Мы не будем почивать на лаврах, — говорит Нхумайо, чья лукавая усмешка, по слухам, прикрывает стальную решимость. — В условиях быстро меняющихся технологий это не так-то просто.

---

* Samsung с корейского — «три звезды». Это же название я дал своей вымышленной португальской компании Tres Estrelas. Последнее предложение придуманной статьи в The Economist за 2061 год основано на реальном материале о Samsung из The Economist 'As good as it gets?' («Лучше не бывает?») за 13 января 2005 года: «Не может ли какой-нибудь сравнительно неизвестный производитель электроники где-то в Китае решить, что если Samsung удалось выйти из тени и достигнуть вершины, то почему бы не повторить этот путь?» Семнадцать лет, в течение которых подразделение топливных элементов мозамбикской фирмы приносило убытки, — это тот же инвестиционный период, в течение которого деньги терял основанный в 1960 году отдел Nokia.

Жизненные циклы продуктов коротки, и никто не может рассчитывать на то, что с единственной инновацией останется лидером рынка. Конкуренты могут появиться в любой момент». В конце концов именно так и поступила его компания, ставшая неприятным сюрпризом для американцев и японцев. Не может ли какой-нибудь сравнительно неизвестный производитель водородных элементов где-то в Нигерии решить, что если Tres Estrelas удалось выйти из тени, то почему бы не пройти этот же путь?

Мозамбик может и не повторить сценарий, который я нарисовал. Но какова была бы ваша реакция, если бы в 1961 году, за век до мозамбикского чуда, удалось услышать, что Южная Корея через 40 лет станет одним из ведущих мировых экспортеров мобильных телефонов, которые в то время воспринимались исключительно как продукт научной фантастики? Водородные топливные элементы сейчас, по крайней мере, существуют.

В 1961 году, через восемь лет после братоубийственной войны с Северной Кореей, годовой доход в Южной Корее составлял 82 доллара на душу населения. Средний кореец зарабатывал *вполовину меньше*, чем житель Ганы (179 долларов)¹. Корейская война была одной из самых кровопролитных в истории человечества, и началась она как раз 25 июня, в будущий День независимости Мозамбика. Всего за три года (1950–1953) она унесла четыре миллиона жизней. Половина производственной базы страны и более 75% железных дорог были уничтожены.

Государству удалось продемонстрировать определенные организационные навыки. К 1961 году уровень грамотности повысился с жалких 22% (по данным 1945 года) до 71%. Однако страна все равно находилась на грани коллапса. Во внутреннем отчете Агентства США по международному развитию, отвечавшему за оказание помощи, — в 1950-е годы Корея была названа «бездонной бочкой». В то время она экспортировала в основном вольфрам, рыбу и другое сырье.

Если говорить о компании Samsung, ныне ведущем экспортере мобильных телефонов, полупроводников и компьютеров, то она начинала работу в 1938 году как предприятие по экспорту рыбы, овощей и фруктов, за семь лет до обретения независимости от японских колониальных властей, управлявших Кореей с 1910 года. До 1970-х компания в основном занималась рафинированием сахара и текстилем — эти направления бизнеса она стала развивать с середины 1950-х². Когда Samsung вышла

на рынок полупроводников, приобретя в 1974 году 50%-ю долю в Korea Semiconductor, никто не воспринял это всерьез. Более того, до 1977 года она даже не выпускала цветных телевизоров. Когда в 1983 году компания объявила о намерении отвоевать долю рынка у больших шишек этой индустрии — американцев и японцев, это мало кого впечатлило.

Корея, в которой я родился 7 октября 1963 года, была одной из беднейших и унылейших стран. Ныне я — гражданин одного из самых богатых государств, если вообще не самого состоятельного. За годы моей жизни среднедушевой доход в Корее с точки зрения покупательной способности вырос примерно в 14 раз.

На то, чтобы добиться того же результата, у Великобритании ушло более двух веков (с конца XVIII века до наших дней), а у США — около полутора столетий (с 1860-х годов)³. Материальный прогресс, который я наблюдал к своему пятидесятилетию, аналогичен тому, как если бы я родился в Британии, когда на троне был Георг III, или в США при Аврааме Линкольне.

Дом, где я родился и жил до шести лет, находился на северо-западной окраине Сеула — столицы Южной Кореи. Это был один из тех небольших (с двумя спальнями), но современных домиков, которые правительство построило с зарубежной помощью в рамках программы по обновлению ветшающего жилья. Бетонные блоки плохо отапливались, так что зимой в нем было довольно холодно: температура в Корее может падать до 15 и даже 20 градусов ниже нуля. Конечно, туалета со смывом там не было: такую роскошь могли позволить себе только очень богатые люди.

Однако у семьи были и такие удобства, о которых другим оставалось только мечтать. Дело в том, что мой отец принадлежал к правительственной элите — работал в Министерстве финансов, а в свое время, отправившись на год учиться в Гарвард, бережно откладывал стипендию. Черно-белый телевизор делал наш дом точкой притяжения. Друг семьи, подающий надежды стоматолог из больницы Святой Марии, одной из крупнейших в стране, каким-то образом постоянно ухитрялся заскочить к нам, когда показывали важный спортивный матч, причем по совершенно другим причинам. В современной Корее такой специалист, вероятно, обдумывал бы, не заменить ли второй телевизор в спальне плазменной панелью. Мой двоюродный брат, только что переехавший из Кванджу, родного города отца, как-то зашел в гости и спросил маму

о странном белом шкафе в гостиной. Это был холодильник (на кухню он не помещался). Моя жена Хи Чжон, которая родилась в Кванджу в 1966 году, рассказывает, что ее соседи постоянно «сдавали на хранение» свое драгоценное мясо в холодильник ее матери, жены преуспевающего доктора, как если бы та была управляющей какого-нибудь эксклюзивного частного швейцарского банка.

Маленький бетонный домик с черно-белым телевизором и холодильником — звучит не так уж привлекательно, но для поколения моих родителей это было осуществлением мечты. Им пришлось жить в самые беспокойные и тяжелые времена: при японском колониальном управлении (1910–1945), во время Второй мировой войны, разделении страны на север и юг (1948), Корейской войне. Когда я, сестра Йон Хи и брат Ха Сок жаловались на еду, мама говорила, что мы избалованы, что, когда она была в нашем возрасте, многие дети сочли бы за счастье получить хотя бы яйцо. Обычным семьям были недоступны такие продукты, и даже те, кто мог купить яйца, откладывали их для отцов и старших братьев. Она часто вспоминала, как разрывалось сердце, когда ее младший брат пяти лет, голодавший во время Корейской войны, сказал, что почувствовал бы себя лучше, если бы ему хотя бы дали поддержать пустую тарелку для риса. В свою очередь, моему отцу — человеку со здоровым аппетитом и большому любителю говядины — в студенчестве приходилось обходиться рисом, маргарином, купленным на черном рынке, соевым соусом и пастой чили. Ему было десять лет, и он ничем не мог помочь, когда на его глазах семилетний брат умирал от дизентерии — смертельного заболевания, практически неизвестного современной Корее.

Прошло много лет, и в 2003 году, приехав на каникулы из Кембриджа, я показывал своему другу и наставнику Джозефу Стиглицу, нобелевскому лауреату по экономике, Национальный музей в Сеуле. Мы попали на выставку прекрасных черно-белых фотографий, где представители среднего класса конца 1950-х — начала 1960-х годов занимались своими делами. Именно таким я и помнил свое детство. За мной и Джо стояли две молоденькие девушки. Одна из них вскрикнула: «Разве это Корея? Это какой-то Вьетнам!» Нас разделяло меньше 20 лет, но знакомые мне ситуации выглядели для них совершенно невероятными. Я сказал Джо, что мне как специалисту по экономическому развитию «повезло» жить в эпоху таких перемен. Я чувствовал себя специалистом по средневековой Англии,

который участвует в битве при Гастингсе, или астрономом, совершившим путешествие во времена Большого взрыва.

Следующий дом нашей семьи, где я прожил с 1969 по 1981 год на пике корейского «экономического чуда», мог похвастать не только туалетом со смывом, но и системой центрального отопления. К сожалению, бойлер вскоре после переезда взорвался, так что помещение чуть не сгорело. Я не жалуясь. Нам повезло, что он у нас был, — большинство домов отапливались угольными брикетами, из-за которых тысячи людей каждую зиму погибали от отравления угарным газом. Но эта история говорит о состоянии корейских технологий в ту пору, такую далекую и такую близкую.

В 1970 году я пошел в школу. Это была второразрядная частная школа, где в каждом классе было по 65 человек. Мы очень гордились этим, потому что в соседней государственной школе в классе было по 90 учеников. Прошло много лет, и на одном кембриджском семинаре я услышал, что из-за бюджетных ограничений, наложенных МВФ (подробнее об этом позже), среднее количество учащихся в некоторых африканских странах в 1980-е годы выросло с 35 до 45. Только тогда понял, насколько плохо обстояли дела в моем детстве, когда в самом престижном учебном заведении страны в каждом классе было по 40 человек, и все думали: «Как им это удастся?» Государственные школы в быстро развивающихся городских районах были набиты до предела: в классе могло быть до сотни учеников, а учителя работали в две, а порой и в три смены. Неудивительно, что в школе были разрешены телесные наказания, что все заучивалось чисто механически. Разумеется, такие методы имели недостатки, однако Корея с 1960-х годов смогла обеспечить шестилетним образованием почти каждого ребенка.

В 1972 году, когда я учился в третьем классе, неожиданно наша школьная игровая площадка стала биваком для солдат. Они появились для предотвращения студенческих демонстраций против военного положения, объявленного президентом страны — бывшим генералом Пак Чон Хи. К счастью, они не собирались забирать меня и моих друзей. Конечно, корейские дети славятся своим ранним развитием, но конституционная политика — это все-таки слишком для девятилеток. Моя школа находилась при университете, где митинговали студенты — совесть нации во время военной диктатуры, сыгравшие ведущую роль в ее свержении в 1987 году.

Придя к власти в 1961 году в результате военного переворота, генерал Пак сменил военную форму на штатский костюм и выиграл трижды подряд

выборы. Его победы были связаны с успехами в создании государственного «экономического чуда» при помощи пятилетних планов. Не меньшую роль оказали и подтасовки на выборах, и грязные политические уловки. Его третий, как предполагалось, последний срок на посту президента должен был подойти к концу в 1974 году, но Пак не мог просто так взять и уйти. В середине этого срока он инсценировал то, что в латиноамериканских странах называют «автопереворотом»: распустил парламент и установил фактически мошенническую систему выборов, которая должна была гарантировать ему пожизненное президентство. В оправдание он заявлял, что страна не могла позволить себе демократический хаос. Всем рассказывали, что нужно защищаться от северокорейского коммунизма и ускорять экономическое развитие. Пак провозгласил своей целью повышение среднедушевого дохода в Южной Корее до 1000 долларов к 1981 году, что было сочтено слишком честолюбивым, почти фантастическим заявлением.

Президент в 1973 году развернул амбициозную программу индустриализации тяжелой и химической промышленности. В эксплуатацию вступили сталелитейный завод и современная верфь, а со сборочных линий сошли первые местные автомобили (собранные, впрочем, в основном из импортных запчастей). Появились новые компании, работающие в области электроники, машиностроения, химической промышленности и в других развитых производственных отраслях. За этот период среднедушевой доход вырос феноменальным образом — более чем в пять раз с 1972 по 1979 год (в долларах США). Казавшаяся фантастической цель — доход в 1000 долларов — на самом деле была достигнута на четыре года ранее установленного срока. Еще быстрее рос экспорт: с 1972 по 1979 год он увеличился в девять раз (в долларах США)⁴.

Поглощенность страны экономическим развитием сполна отразилась на образовании. Нас учили, что священный долг каждого сообщать о курильщике, который предпочитает иностранные сигареты. Стране нужен был каждый доллар, заработанный на экспорте, чтобы импортировать машины и другое технологическое оборудование и развивать собственную промышленность.

Ценная зарубежная валюта была необходима для «индустриальных солдат», ведущих экспортную войну на предприятиях. Те, кто тратил ее на всякую ерунду, например на нелегально поступавшие иностранные сигареты, считались «предателями». Впрочем, я не верю, чтобы кто-то

из моих друзей действительно сообщал о таких «деяниях». Однако каждый раз, когда дети, приходя в гости, видели там иностранные сигареты, начинало работать сарафанное радио. Отца приятеля — курили почти всегда мужчины — стали считать человеком недостаточно патриотичным и оттого аморальным типом, если вообще не преступником.

Трата валюты на что-то не связанное с промышленным развитием была запрещена или, по крайней мере, затруднена запретами на ввоз, высокими пошлинами и акцизными сборами (которые именовались «налогом на потребление роскоши»). Под категорию роскоши попадали даже совершенно обычные вещи: модели машин, виски, печенье. Хорошо помню эйфорию национального масштаба, когда по специальному правительственному разрешению в конце 1970-х была ввезена партия датского печенья.

По тем же причинам запрещался и выезд за границу тех, кто не имел прямого разрешения правительства на ведение бизнеса или обучение. В результате до 23 лет я никогда не покидал Корею, хотя у меня в США было много родственников. Только в 1986 году отправился в Кембридж, чтобы учиться в магистратуре.

Нельзя сказать, чтобы никто действительно не курил импортных сигарет и не ел запрещенного печенья. В обороте находилось множество нелегальных и полулегальных зарубежных товаров. Существовала контрабанда, особенно из Японии, но большую часть ее составляло то, что было ввезено незаконным или не совсем законным путем с бесчисленных американских баз. Солдаты США, участвовавшие в войне, возможно, до сих пор помнят оборванных корейских ребятишек, которые бежали за ними и выпрашивали жвачку или шоколадку. Даже в Корее 1970-х годов товары американской армии все еще считались роскошью. Зарождающийся средний класс мог позволить себе покупать шоколадные конфеты M&M's и порошкообразный концентрат сока Tang в магазинах и у уличных торговцев. Менее состоятельные люди могли ходить в забегаловки, где подавалось блюдо *будей-чжиге*, буквально «армейское рагу». Это была более дешевая версия классического корейского блюда *кимчи-тиге*, в котором использовалась *кимчи* (капуста, маринованная с чесноком и перцем чили), но вместо второго ключевого ингредиента — свиной подбрюшины — бралось более дешевое мясо, например излишки бекона, колбасы и ветчины, контрабандой полученные с американских военных баз. Я мечтал попробовать консервированную ветчину и говяжью

солонину, шоколад, печенье и многие другие продукты, названий которых даже не знал, из ящиков так называемого «С-рациона армии США» (сухой и консервированный паек для ведущих боевые действия). Мой дядя по матери, генерал корейской армии, откладывал эти продукты после совместных полевых учений с американскими коллегами и порой давал их мне. Американцы проклинали отвратительное качество своего полевого пайка. Для меня же все их продукты имели райский вкус. Не стоит забывать, что тогда я жил в стране, где в ванильном мороженом было так мало ванили, что, пока я не начал изучать английский, думал, что слово *vanilla* означает «безвкусный». И я рассказываю о мальчике из верхушки среднего класса, никак не страдавшего от недоедания; можете себе представить, каково приходилось остальным.

В старших классах отец подарил мне электронный калькулятор Casio, о чем я не мог и мечтать. В то время он стоил, вероятно, половину зарплату какого-нибудь работника швейной фабрики и был большой жертвой даже для моего отца, который не скупился на образование. Прошло 20 лет. И благодаря сочетанию быстрого развития электронных технологий и роста качества жизни электронных калькуляторов в Корее стало так много, что в магазинах их порой даже предлагали бесплатно. Многие из них в итоге стали игрушками для детей дошкольного возраста (нет, я не считаю, что корейские дети преуспевают в математике именно по этой причине!).

У корейского «экономического чуда» была, разумеется, и обратная сторона. Многие девочки из бедных семейств были вынуждены искать работу сразу по окончании общеобразовательной школы (в 12 лет), чтобы избавить семью от лишнего рта и начать зарабатывать, чтобы хотя бы один брат смог получить высшее образование. Многие устроились горничными в семьи городского среднего класса, работали за стол, кров и, если повезет, получали немного карманных денег. Другие девочки, как и менее удачливые мальчики, приходили на заводы, условия работы на которых напоминали «темные фабрики Сатаны» XIX века* или современные потогонные цеха в Китае. В текстильной и швейной промышленности, продукция которых в основном шла на экспорт, работники трудились по 12 часов в очень опасных и нездоровых условиях, получая при этом гроши. На некоторых фабриках в столовых не давали суп из боязни, что

---

* Выражение из стихотворения Уильяма Блейка «Иерусалим» (1804), пер. С. Маршака. *Прим. пер.*

рабочие потребуют еще один туалетный перерыв, что сократит и без того невеликую прибыль предприятия.

Чуть лучше были условия в развивавшихся отраслях тяжелой промышленности: производстве стали и химикатов, машиностроении. В целом корейские рабочие трудились по 53–54 часа в неделю, дольше, чем кто-либо еще в то время.

Появились городские трущобы. Поскольку располагались они обычно на вершинах невысоких холмов, типичных для корейских пейзажей, их прозвали «Подлунные районы» — в честь комедийного телесериала, который шел на корейском телевидении в 70-е. Семьи из пяти-шести человек набивались в одну комнату, а один туалет и один кран с водой приходились на сотни жильцов одновременно. Часто эти трущобы насильно расчищали полицейские, отправляя их жителей в более отдаленные районы, где санитарные условия и транспортная доступность были еще хуже. На старом месте строились новые дома для растущего среднего класса. Если бедняки не успевали достаточно быстро выбраться из новых трущоб (это было возможно, поскольку экономика быстро росла и появлялись новые рабочие места), разрастающийся город снова догонял их и опять отбрасывал в более удаленную местность. Некоторым приходилось жить на главной городской помойке — острове Нанчжи. Мало кто из иностранцев знает, что прекрасные общественные парки вокруг величественного футбольного стадиона в Сеуле, который все видели во время чемпионата мира 2002 года, в прямом смысле построены на месте мусорной свалки на острове (сейчас там расположена ультрасовременная высокоэкологичная метановая электростанция, которая работает на органическом материале этой свалки).

В октябре 1979 года, когда я еще учился в школе, президент Пак был убит руководителем собственной службы разведки. Это стало результатом народного недовольства диктаторскими методами управления и экономическим кризисом, последовавшим за вторым нефтяным эмбарго*.

Наступила краткая «сеульская весна» с надеждами на демократию. Но с нею безжалостно покончило новое военное правительство генерала Чон Ду Хвана, который захватил власть после двухнедельного вооруженного

---

* Энергетический кризис 1979–1980 годов. Известен также как «второй нефтяной шок», нефтяной кризис. *Прим. ред.*

народного восстания, подавленного во время резни в Кванджу в мае 1980 года.

Несмотря на тяжелую политическую ситуацию, в начале 1980-х Корея твердо закрепились на позиции стран со средним достатком. Ее можно было сравнить с Эквадором, Маврикием и Коста-Рикой. Однако от той процветающей страны, которую мы знаем сейчас, ее все еще отделяла пропасть. У нас, старшекласников, в ходу было выражение: «Я бывал в Гонконге», — что означало: «Я знаю не только о своей стране». Гонконг все еще богаче Кореи, но этим выражением подчеркивалось, что в 60–70-х среднедушевой доход в Гонконге был в три или четыре раза выше, чем в Корее.

В 1982 году я поступил в университет и увлекся защитой прав интеллектуальной собственности, одной из самых горячих на сегодня тем. К тому времени Корея уже приноровилась копировать высокотехнологичные продукты и достаточно разбогатела, чтобы хотеть большего: корейцы увлеклись музыкой, модой, книгами. Правда, оригинальных идей по-прежнему не хватало, никто не придумывал собственные международные патенты и торговые марки, не заявлял об авторских правах.

Современная Корея — одна из самых «изобретательных» стран: она входит в первую пятерку государств по количеству патентов, ежегодно выдаваемых Патентным бюро США. Но до 1980-х годов здесь доминировала «обратная инженерия»*. Мои друзья покупали «копии», в небольших мастерских разбирали машины IBM, копировали их составляющие и собирали свои компьютеры. В то время Корея была одной из «пиратских столиц» мира, в огромных количествах производя липовые кроссовки Nike и сумки Louis Vuitton. Те, кто не желал идти на сделку с совестью, поступали иначе. В продажу шли кроссовки, которые выглядели как Nike, но назывались Nice, или на них был логотип Nike с каким-нибудь дополнительным штрихом. Поддельные товары редко пытались выдать за настоящие. Их покупатели прекрасно понимали, что берут подделку; целью был не обман потребителя, а следование моде. Так же относились и к авторскому праву. Современная Корея экспортирует все больше защищенных материалов: кинофильмов, мыльных опер, поп-хитов, — но в то время импорт музыкальных пластинок и видеокассет с фильмами

---

* Обратная разработка (обратное проектирование, обратный инжиниринг, реверс-инжиниринг; англ. reverse engineering) — исследование некоторого готового устройства или программы, а также документации на него с целью понять принцип его работы. *Прим. ред.*

был настолько дорог, что немногие могли заплатить за подлинное качество. Мы выросли на пиратских рок-н-рольных копиях, которые прозвали «записями с кухни», потому что качество звука было настолько плохим, что казалось, будто на заднем плане что-то жарится на сковородке. И зарубежные книги все еще оставались недостижимыми для большинства студентов. Я происходил из обеспеченной семьи, которая охотно вкладывалась в образование, так что у меня были такие книги. Но по большей части мои англоязычные учебники и пособия были пиратскими. Без них я бы никогда не смог ни поступить в Кембридж, ни продержаться там.

Я заканчивал магистратуру в конце 1980-х, и к этому моменту Корея прочно обосновалась среди стран с доходом выше среднего. Лучше всего это доказывалось тем, что европейские страны отменили визы. Большинство моих сограждан уже никуда не собирались нелегально эмигрировать. В 1996 году страна даже вступила в ОЭСР (Организацию экономического сотрудничества и развития) — клуб богатых, а также провозгласила себя «развитой». Эйфория, правда, развеялась сразу после финансового кризиса 1997 года.

После той депрессии стране больше не удавалось выйти на уровень собственных высоких стандартов во многом потому, что модель «правил свободного рынка» была воспринята с излишним энтузиазмом. Однако это уже другая история.

Каковы бы ни были современные проблемы Кореи, экономический рост и последовавшая трансформация общества впечатляют. Некогда одно из самых бедных государств мира сравнивалось по среднедушевому доходу с Португалией и Словенией⁵. Страна, экспортировавшая в основном вольфрамовую руду, рыбу и парики из человеческих волос, стала высокотехнологичным кластером, чьи стильные мобильные телефоны и телевизоры с плоским экраном пользуются популярностью во всем мире. Хорошее питание и рост уровня медицины означают, что ребенок, родившийся в современной Корее, проживет на 24 года больше, чем человек, рожденный в начале 1960-х (77 лет против 53). В течение первого года жизни умирает лишь пять младенцев из 1000, а не 78, как раньше. С точки зрения показателей жизненных шансов Корею можно сравнить уже не с Гаити, а со Швейцарией⁶. Как стало возможным такое «чудо»?

Ответ для большинства экономистов прост: Корея преуспела потому, что следовала требованиям свободного рынка. Она руководствовалась

принципами твердой валюты (низкая инфляция), небольшого государственного аппарата, частной инициативы, свободной торговли и дружеского отношения к зарубежным инвестициям. Эти взгляды характерны для так называемой неолиберальной экономики.

Неолиберальная экономика — это обновленная версия либеральной, провозглашенной ученым XVIII века Адамом Смитом и его последователями. Она впервые возникла в 1960-е годы и является доминирующим экономическим учением с 1980-х. Либеральные экономисты XVIII–XIX веков считали, что неограниченная конкуренция на свободном рынке служит лучшим способом организации экономики, поскольку заставляет всех участников рынка действовать максимально эффективно. Вмешательство правительства считалось вредным, поскольку оно ограничивает давление конкуренции, не позволяет появиться потенциальным соперникам посредством либо контроля над импортом, либо создания монополий. Неолиберальные экономисты поддерживают положения, с которыми не согласились бы прежние либералы: в первую очередь с некоторыми формами монополий (например, патентами или монополией центрального банка на печать денег) и политической демократией. В целом они разделяют энтузиазм прежних либералов по части свободного рынка. Несмотря на кое-какие корректировки по итогам целой серии разочарований от применения неолиберальных мер к развивающимся странам за последнюю четверть века, основные принципы — дерегуляция*, приватизация и открытие границ для международной торговли и инвестиций — остаются неизменными с 1980-х.

В отношении развивающихся стран неолиберальные принципы продвигаются альянсом правительств богатых государств во главе с США при помощи «Несвятой Троицы» контролируемых экономических организаций: Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка и Всемирной торговой организации (ВТО). Богатые правительства побуждают развивающиеся страны принять принципы неолиберализма, используя для этой цели специально выделенный бюджет и предлагая доступ на свои внутренние рынки. Иногда это делается в интересах отдельных фирм-лоббистов, но чаще просто для создания среды, благоприятной для иностранных товаров и инвестиций в целом. МВФ и Всемирный банк

---

* Отмена государственного регулирования. *Прим. ред.*

играют свою роль, выдавая ссуды на том условии, что получатели будут придерживаться неолиберальных принципов. Вклад ВТО состоит в том, что она назначает правила, способствующие свободной торговле в тех отраслях, в которых богатые страны традиционно сильны, но не в тех, где они отстают (например, в сельском хозяйстве или в текстильной промышленности). Эти правительственные и международные организации поддерживает целая армия идеологов. Некоторые из них — блестяще подготовленные ученые, которые должны бы знать границы экономики свободного рынка, но предпочитают игнорировать их, когда дело касается политических рекомендаций (особенно ярко это проявилось в 1990-е годы, когда эти специалисты стали консультантами в бывших коммунистических государствах). Вместе эти организации и отдельные участники образуют мощную машину пропаганды, финансово-интеллектуальный комплекс, за которым стоят деньги и власть.

Неолиберальная элита хочет заставить нас поверить, что в годы «экономического чуда» (1960–1980) Корея следовала неолиберальной экономической стратегии развития⁷. В реальности все было иначе. Все это время в Корее поддерживались отрасли промышленности, избранные правительством после консультации с частным сектором, действовали протекционистские законы, процветало субсидирование и другие формы правительственной поддержки (например, информационно-маркетинговые услуги за рубежом предпринимателям оказывало государственное агентство по экспорту), пока индустрия не «доросла» до того, чтобы стать конкурентоспособной на международном уровне. Правительству принадлежали все банки, так что оно выдавало кредиты для ведения бизнеса. Некоторые крупные проекты реализовывались непосредственно государственными предприятиями (лучший пример — сталепроизводитель POSCO), но в целом страна придерживалась прагматического, а не идеологического отношения к вопросу о государственной собственности. Если частное производство работало хорошо — прекрасно. Если же оно не вкладывалось в важные для страны отрасли, то правительство без сомнения учреждало на его месте государственное предприятие. Если какие-то частные фирмы плохо управлялись, правительство часто отбирало их, реструктуризировало, после чего обычно (но не всегда) снова продавало частникам.

Кроме того, корейское правительство обладало полным контролем над скудным валютным ресурсом (за нарушение валютного законодательства

предусматривалась даже смертная казнь). В сочетании с тщательно продуманным списком приоритетов использования валюты такой подход обеспечивал использование с таким трудом заработанной валюты для импорта жизненно необходимых оборудования и сырья для промышленного производства. Правительство Кореи полностью контролировало и зарубежные инвестиции, приветствуя их в одних отраслях, но полностью защищая другие сектора, — все в соответствии с национальным планом развития. Оно также закрывало глаза на нарушения международных патентов, поощряя «обратный инжиниринг».

Представление о Корее как об экономике свободного рынка создалось благодаря экспортным успехам страны, однако они не предполагают свободной торговли, что подтверждается примером Японии и Китая. Товары, экспортируемые Кореей в начальный период, например дешевые ткани и простейшая электроника, — это средство заработать столь необходимую валюту, чтобы заплатить за передовые технологии и дорогие машины, жизненно важные для создания новых, более сложных отраслей промышленности, которые защищались от конкуренции извне пошлинами и субсидиями. В то же время нужно отметить, что протекционизм и субсидии должны были не ограждать эти отрасли от международной конкуренции навсегда, а выигрывать время, чтобы впитать новые технологии и новое устройство организации, после чего можно было уже выходить и на международный уровень.

Корейское «экономическое чудо» было результатом разумной и прагматичной смеси рыночных стимулов и государственного управления. Правительство не собиралось подавлять рынок, как это делали в коммунистических государствах. Однако и слепой верой в свободный рынок оно не обладало. Хотя корейцы серьезно относились к рыночной системе, они понимали, что часто необходима и государственная корректировка.

Конечно, если бы Корея была единственной страной, разбогатевшей благодаря таким «еретическим» мерам, то гуру свободного рынка могли бы посчитать ее лишь исключением, которое только подтверждает правило. Но Корея — не исключение. Как я покажу в этой книге, практически все современные страны, в том числе Великобритания и США (эти предполагаемые оплоты свободного рынка и свободной торговли), разбогатели благодаря таким рецептам, которые прямо противоречат принципам неолиберальной экономики.

Процветающие ныне страны не чуждались протекционизма и субсидирования, защищаясь от зарубежных инвесторов, и все это звучит как вызов современным экономическим ортодоксам. Теперь же такая политика прямо запрещена современными многосторонними договорами, например соглашениями по ВТО, и поставлена вне закона международными финансовыми организациями (прежде всего, МВФ, Всемирным банком) и странами-донаторами. Некоторые государства действительно почти не прибегали к протекционизму, например Нидерланды и Швейцария (до Первой мировой войны), но они отклонялись от ортодоксального поведения в других отношениях, в частности, отказывались признавать патенты (подробнее об этом в следующих главах). История развития современных богатых стран в отношении законов о зарубежных инвестициях, государственных предприятий, макроэкономического управления и политических институтов тоже демонстрирует значительные отступления от современной ортодоксальной трактовки этих вопросов.

Почему же богатые страны не рекомендуют развивающимся те стратегии, которые так хорошо послужили им самим? Почему они выдумывают какую-то фантастическую историю капитализма, притом довольно плохо?

В 1841 году немецкий экономист Фридрих Лист подверг Британию критике за проповедь свободной торговли в других странах, в то время как само это государство добилось экономического господства благодаря высоким пошлинам и чрезмерному использованию субсидий. Он обвинил британцев в том, что те «отбрасывают лестницу», по которой сами вскарабкались на ведущие экономические позиции: «Это очень распространенная хитрая уловка: когда кто-то достигает вершины могущества, он *отбрасывает лестницу*, по которой на эту вершину попал, чтобы лишить других возможности присоединиться к нему»⁸. Сегодня в богатых странах определенно есть такие люди, которые проповедуют бедным свободную торговлю только для того, чтобы завладеть как можно более жирным куском их рынка и предотвратить возникновение возможных конкурентов. Они говорят «делайте так, как мы говорим, а не так, как мы поступали сами» и являются своего рода злыми самаритянами, пользуются бедственным положением других*. Но самое удивительное то, что многие из них даже не понимают, что такие методы вредят развивающимся странам.

---

* Из Библии известна история о добром самаритянине. В этой притче человеку, ограбленному разбойниками, помог добрый самаритянин, несмотря на стереотипы о том, что они бездушны и часто пользуются положением тех, кто оказался в беде. *Прим. ред.*

История капитализма настолько гладко переписана, что большинство граждан богатых государств даже не понимают, что проповедь свободной торговли и свободного рынка в развивающихся странах — это типичные двойные стандарты по историческим меркам.

Не то чтобы я предполагал, что где-то сидит некий тайный комитет, который замазывает нежелательных людей на фотографиях и переписывает исторические документы в архивах. Однако историю пишут победители, а человеческой природе свойственно постоянно переосмысливать прошлое с точки зрения настоящего. В результате богатые страны со временем (часто даже подсознательно) переписали свои истории, чтобы те соответствовали настоящему моменту, а не реальности. Точно так же сейчас мы пишем об «Италии» эпохи Ренессанса (хотя эта страна не существовала до 1871 года) или включаем франкоязычных норвежцев (завоевателей из Нормандии) в число «английских» королей и королев.

В результате многие злые самаритяне рекомендуют принципы свободной торговли и свободного рынка бедным странам ввиду добросовестного, но ошибочного мнения о том, что именно таким образом их собственные страны разбогатели. Тем самым они только усложняют жизнь тем, кому пытаются помочь. Иногда такие самаритяне вредят даже больше, чем те, кто сознательно «отбрасывает лестницу», потому что уверенность в своей правоте часто более упряма, чем стремление к выгоде.

Итак, как сделать так, чтобы злые самаритяне перестали вредить бедным странам, каковы бы ни были их намерения? Что можно предложить вместо этого? В этой книге я попытался дать некоторые ответы на основании исторических экскурсов, анализа современного мира, прогнозов на будущее и предложений изменений.

Начнем с истинной истории капитализма и глобализации, которую я рассмотрю в двух последующих главах, где покажу, что многие факты, которые читатель, возможно, считает историческими, либо неверны, либо правдивы лишь частично. Великобритания и США — это не родина свободной торговли; более того, долгое время это были самые протекционистские страны в мире. Не все государства преуспели исключительно благодаря протекционизму и субсидиям, но мало кто обошелся без этого. Развивающиеся страны редко сознательно выбирали путь свободной торговли — обычно это было результатом требований извне, часто подкрепленных военной мощью. Большинству таких стран свободная торговля не принесла ничего хорошего; гораздо лучше они справлялись при помощи

протекционизма и субсидирования. Лучше всего обстоят дела у стран, которые открывали свою экономику постепенно и выборочно. Принципы неолиберализма — свободный рынок и свободная торговля — призывают пожертвовать равенством ради роста, но в результате не достигается ни то ни другое. За последние 25 лет, когда открылись границы и появился свободный рынок, рост на самом деле замедлился.

В основных главах (3–9), которые следуют за историческими, я применяю некую смесь экономической теории, истории и современных фактов, чтобы показать ложность большей части распространенных мнений о развитии. Свободная торговля снижает свободу выбора для бедных стран. В долгосрочной перспективе не пускать зарубежные организации на рынок может оказаться полезным. Инвестиции в компанию, которая будет терпеть убытки в течение 17 лет, могут стать великолепным решением. Некоторые лучшие мировые предприятия принадлежат государству и управляются им. «Заимствование» идей у более продуктивных иностранных фирм необходимо для экономического развития. Низкая инфляция и благоразумие правительства могут повредить развитию экономики. Коррупция существует, если рынка слишком много, а не слишком мало. Свободный рынок и демократия не являются естественными партнерами. Страны бывают бедными не из-за лени своих жителей; это жители «ленивы» как раз из-за того, что их страны бедны.

Как и это введение, заключительная глава книги открывается альтернативной «будущей историей», на этот раз довольно печальной. Сценарий откровенно пессимистичен, но имеет глубокие реальные корни, что показывает, насколько близки мы к его осуществлению, если продолжать следовать неолиберальным принципам, пропагандируемым злыми самаритянами. В заключении я также представляю на суд читателя некоторые ключевые принципы в очищенном от рассмотренных ранее деталей виде, которыми следует руководствоваться, если мы действительно хотим помочь развивающимся странам в укреплении экономики. Несмотря на печальное начало, книга заканчивается на оптимистической ноте: в конце объясняется, почему, на мой взгляд, большинство злых самаритян можно переубедить и заставить помочь развивающимся странам исправить ситуацию.